

**О ЧЕМ ПИСАЛ М. И. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ**

В последнее время отмечается значительное повышение интереса к творчеству М. И. Туган-Барановского (1865—1919). Дело здесь, очевидно, в выдвинутой самой жизнью настоятельной необходимости уточнить наши представления о природе ряда экономических явлений, в частности, кооперации. Речь, разумеется, не идет об отказе от наследия классиков марксизма-ленинизма. Но естественно стремление к тому, чтобы ознакомиться с другими направлениями общественной мысли, которые в течение десятилетий оставались для нас закрытыми в прочных стенах «спецхранов». Значительное внимание привлекают труды ученых предреволюционного периода — тех, в одно время с которыми работал и с которыми обоснованно и часто весьма резко полемизировал В. И. Ленин. В таких условиях нельзя не обратиться к идеям М. И. Туган-Барановского, вошедшего в историю русской экономической мысли в качестве представителя «легального марксизма».

Внесло ли время коррективы в оценки, данные современниками М. И. Туган-Барановского — «нелегальными марксистами»? Ряд выпущенных в последнее время работ, посвященных его творчеству<sup>1</sup>, позволяет, как нам кажется, положительно ответить на этот вопрос, хотя об однозначности мнений говорить нельзя. Можно, по нашему убеждению, не сомневаться, в частности, в том, что непредубежденный современный читатель во вновь изданных «Социальных основах кооперации» признает в их авторе незаурядного экономиста-профессионала, прекрасно владеющего исследуемым предметом и в теоретических его аспектах, и с позиций осмысления огромного фактического материала из жизни стран, где в тот период отмечалось массовое развитие кооперации. Представляется, что прочтение даже одного этого труда достаточно для вывода: наука выиграет от того, что больше работ М. И. Туган-Барановского станет доступно читателям.

Бросается в глаза, что в «Социальных основах кооперации» нет прямой полемики с марксистской теорией. Более того, обращаясь к идеям К. М. автор дает им позитивное истолкование. В этом некоторые современники М. И. Туган-Барановского усмотрели его возвращение к марксизму. Сам он, однако, так не считал. М. И. Туган-Барановский писал, что относится к К. Марксу отнюдь не как противник, но и не как ученик; его позиция — это позиция самостоятельного исследователя, много взявшего в своем научном мировоззрении у К. Маркса, но многое отрицавшего. Что отрицалось — известно: здесь на первом плане «всеобщего» учение о двойственном характере труда, создающего товар. А что принималось? Для ответа на этот вопрос лучше всего, наверное, привести заключительные фразы из «Социальных основ кооперации»: «Общество должно до конца превратиться в добровольный союз свободных людей — стать насквозь свободным кооперативом. Таков социальный идеал, который *полностью никогда не будет достигнут*, но в приближении к которому и заключается весь истории процесс человечества»<sup>2</sup>.

Комментаторы обратили внимание лишь на первую из фраз, справедливо указав, что под кооперативом здесь понимается «преобразование социалистических производственных отношений в направлении коммунистического идеала, наиболее близким прообразом которого М. И. Туган-Барановский считает именно кооперацию»<sup>3</sup>. Между тем не меньшее, если не большее значение имеет вторая из приведенных фраз.

Суть марксистского учения состоит в том, что полное освобождение каждого человека

---

\* Леонид Сергеевич Гребнев, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры политической экономики АОН при ЦК КПСС.

<sup>1</sup> См., в частности: Бухарин Н. Социальная теория распределения // Экономические 1989. № 2.; Королькова Е. Туган-Барановский: «Социализм начинается с человека» / Социалистическая индустрия. 1989. 15 декабря; Булочникова Л. А., Сорвина Г. Н., Субботина Т. П. Предисловие к книге М. И. Туган-Барановского «Социальные основы кооперации». М., 1989. С. 2—40.

<sup>2</sup> Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. М., 1989. С. 449 (курсив наш.—Л. Г.).

<sup>3</sup> Там же. С. 476.

от всех и всяческих форм эксплуатации возможно и необходимо. Это не мгновенная акция, а дело многих поколений, но, тем не менее, не вечное! Здесь перед нами предстает одно из самых принципиальных отличий марксизма от других учений, например религиозных, ориентированных на вечное принуждение и самопринуждение людей (вспомним христианское: «Человек – Раб Божий»).

Правда, на последней странице последней работы М. И. Туган-Барановского находим: «Цели социализма сравнительно близки и ограничены»<sup>4</sup>. Но автор " отдает должное религии: «Никогда не получит гармоничного примирения основное противоречие человеческой жизни — противоречие между беспредельностью стремлений нашего духа и ограниченностью наших сил и нашего личного существования... В этом вечная основа религии...»<sup>5</sup> Стало быть, взгляды М. И. Туган-Барановского и в этом отличаются от марксизма, согласно которому «религия — опиум народа, вздох угнетенной твари». Таким образом, вряд ли можно говорить о том, что М. И. Туган-Барановский творил в «русле марксизма».

Но ведь есть дух марксизма — дух высокой самокритичности, интереса к подлинной жизни, к ее глубокому осмысливанию в теоретических формах вместо того, чтобы упорно навязывать ей абстрактные схемы. В этом смысле М. И. Туган-Барановский близок марксизму, пожалуй, больше, чем многие современные марксисты, в ортодоксальном рвении превращавшие марксистское учение в нечто подобное религии. Между прочим, как бы предвидя ныне терзающие нас беды, М. И. Туган-Барановский продолжал: «...социализм не может и не должен стать новой религией. Как религия, социализм жалок и беспомощен...»<sup>6</sup>.

Представляется, что сегодняшней растущий интерес к творчеству «легального марксиста» М. И. Туган-Барановского обусловлен, прежде всего, тем, что он сочетал подлинное стремление к познанию реалий экономической жизни с тягой к их глубокому теоретическому осмыслению, знанию и уважению буквы марксизма — с отсутствием фактически религиозного к ней отношения, с использованием вполне корректных форм научной полемики (без столь распространенного и в прежние времена навешивания ярлыков), обладал тонким методологическим чутьем. В переживаемое нами нелегкое время эти качества очень ценны, без них не преодолеть тяжелейшие и сковывающие страну напластования вульгаризированного «марксизма», превращенного в условиях сталинщины в раз и навсегда данный свод неколебимых догм, которые к тому же во многом были лишь примитивными подделками под положения, действительно относящиеся к марксистским. Это, кстати, означает, что обращение к трудам М. И. Туган-Барановского может принести немалую пользу при решении не только тех или иных относительно частных, но и общих экономических проблем из сферы «чистой» политэкономии.

Можно привести много примеров чутья М. И. Туган-Барановского в подходе к сложным проблемам марксизма, дискуссии по поводу которых продолжаются в политико-экономической среде и по сей день<sup>7</sup>. Полагает что хорошим примером профессиональной культуры, во многом утерянной в последующие десятилетия, может служить следующее положение М. И. Туган-Барановского: «Предприятием нужно называть всякую хозяйственную организацию, преследующую частнохозяйственные выгоды своих членов и достигающую этих выгод при посредстве обмена»<sup>8</sup>. Жесткая связь частного характера производства и присвоения с обменом, зафиксированная в этом высказывании, — нечто само собой разумеющееся как для К. Маркса, так и для современных нам западных экономистов. И нам стоит задуматься при решении вопроса о рынке и частной собственности!

Хотелось бы особо сказать о работе М. И. Туган-Барановского «Социальная теория

<sup>4</sup> Туган-Барановский М. И. Социализм как положительное учение. М., 1918. С.133.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Туган-Барановский М. И. Социализм как положительное учение. С. 133.

<sup>7</sup> Можно сослаться, в частности, на обсуждение проблемы падения нормы прибыли при отсутствии эффективных нововведений, научно-технического прогресса (об этом см.: Туган-Барановский М. И. Социальная теория распределения // Известия С.-Петербургского политического института, отдел наук экономических и исторических. 1913. Т. 20. С. 1—20).

<sup>8</sup> Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. С.67—68.

распределения», ставшей известной широкому читателю благодаря публикации статьи Н. Бухарина<sup>9</sup>. Взяв из довольно большой работы М. И. Туган-Барановского лишь несколько положений, он без особого труда подверг их вполне обоснованной критике, оставив без внимания весь остальной текст. Таким образом, он вольно или невольно изобразил автора «Социальной теории распределения» человеком, который не в состоянии думать сколько-нибудь последовательно и просто не имеет необходимой образовательной подготовки (незнаком, например, со вторым томом «Капитала», ибо том этот «не для него писан» и т. д.). Между тем, еще в 1894 г. М. И. Туган-Барановский опубликовал работу «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и ближайшее влияние на народную жизнь», в которой опирался как раз на схемы и концепции воспроизводства общественного капитала, изложенные во втором томе «Капитала». Комментаторы «Социальных основ кооперации» отмечают, что эта работа неоднократно издавалась в стране и за рубежом, и В.И. Ленин советовал русскому читателю познакомиться с этим произведением (несмотря на обнаруженные в ней существенные отступления от марксизма).

Очень важное место в «Социальной теории распределения», в этой сугубо теоретической работе, занимают введение и заключение (образующие своеобразную смысловую рамку), где М. И. Туган-Барановский обращался к книге С. и Б. Веббов «Промышленная демократия», опубликованной в 1897 г. В ней авторы впервые показали, что рабочие союзы могут влиять на регулирование заработной платы. Более того, не только эти союзы, но и само государство уже давлением жизни начало действовать в этом направлении, задавшись трудно осуществимой целью помешать путем специального законодательства падению заработной платы ниже определенного уровня. Представителям господствующей теории распределения такой поворот событий должен был казаться основанным на полнейшем непонимании истинных факторов, определяющих высоту заработной платы. В этом пункте взгляды марксистов совпадут со взглядами сторонников теории предельной полезности. И в самом деле, если заработная плата является лишь видом цены, законодатель должен отказаться от попытки воздействовать на ее высоту, поскольку такая попытка обречена на неудачу: разве под силу государству устанавливать товарные цены своими законодательными актами?

Но реальная жизнь показывает, что есть неисчислимо множество случаев, когда старая теория не согласуется с новыми фактами общественной жизни. В таких случаях, как отмечает М. И. Туган-Барановский, требуется изменение теории<sup>10</sup>. Этой идеей он и руководствовался, занимаясь не схоластическими заключениями, а проблемой, поставленной самой жизнью капиталистического общества, причем не только в Англии, но и в России (напомним, что в 1911 г. III Государственная дума рассматривала правительственные законопроекты о страховании рабочих).

С тех пор прошло около восьми десятков лет. По общему признанию, развитые капиталистические страны сейчас обеспечивают своим гражданам весьма высокий уровень социальных гарантий, осуществляемых в самых разных формах при ведущей роли государства. В течение долгого времени наши обществоведы доказывали, что сам факт предоставления таких гарантий в странах Запада – не более чем вынужденная реакция класса капиталистов на огромные социальные достижения в странах «реального социализма». Но это, увы, натяжка. Факты свидетельствуют о том, что проблема социальных гарантий при капитализме ни по срокам, ни даже по существу ее решения не связана с изменениями ни в нашей стране после Октябрьской революции, ни в других странах, воспринявших идеи впоследствии и стремившихся построить социализм. Гораздо правдоподобнее другое: именно надежные социальные гарантии обеспечения ряда фундаментальных потребностей каждого члена общества способствуют свободному действию законов рынка за пределами гарантированного государством минимума, о чем и шла речь в книге С. и Б. Веббов как о «минимуме страхования»<sup>11</sup>.

<sup>9</sup> См. Бухарин Н. О "социальной теории распределения г. Туган-Барановского" //Экономические науки. 1990.№2.

<sup>10</sup> Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. С.67–68.

<sup>11</sup> Об этом см.: Туган-Барановский М. И. Социальная теория распределения. С. 3.

Проблему широких социальных гарантий, если честно смотреть фактам в глаза, не удалось вполне разрешить и в нашем Советском государстве — даже рамках того страхового минимума, о котором писали еще С. и Б. Веббы. Вместе с тем возникли нереалистичные требования к социалистическому государству. Ведь подобно любому другому государству, оно само по себе ничего не производит и не реализует. Оно может что-то кому-то дать лишь постольку, поскольку что-то у кого-то берет — в конечном счете у того, кто непосредственно создает прибавочный продукт, у трудящихся, занятых в материальном производстве. Значит, корень вопроса в том, что они создают, насколько продуктивен их ведущийся в тесном сотрудничестве с работниками непродуцированной сферы труд. Верно, конечно, что как мы работаем, так и живем. И если работаем хуже, чем наемные труженики в странах Запада, то и живем хуже. Многочисленные заклинания о преимуществах социализма в такой ситуации всерьез помочь не могут.

Между тем несбыточные надежды на чудеса, возможные якобы в социалистическом обществе, прочно въелись в общественное сознание. Живучи иждивенские стереотипы, согласно которым государство должно обеспечить трудящемуся все — работу «по способностям», заработную плату «по труду», полные прилавки магазинов, бесплатное жилье. Очень долго мы всячески избегали понятия «прожиточный минимум», хотя именно с него должен начинаться предметный разговор о социальных гарантиях. В результате теперь нам приходится почти на пустом месте создавать систему, давно уже сложившуюся в других странах. В данной связи следует заметить, что М. И. Туган-Барановскому был совершенно чужд подход, при котором государство выглядит постоянно действующим донором на все случаи жизни. Эта позиция опирается на осуществленные им основательные теоретические разработки.

В «Социальной теории распределения» М. И. Туган-Барановский, в частности, задается вопросом: в какой мере распределительные отношения связаны с отношениями обмена? Дается вполне логичный ответ: отношения распределения имеют свою специфику, не «растворяющуюся» целиком в отношениях обмена. На первый взгляд кажется, что распределение доходов представляет не что иное, как то же явление цены, — пишет М. И. Туган-Барановский. — Ведь процесс распределения совершается через посредство меновых актов и основан на оценках. Разве заработная плата не является ценой определенного товара — рабочей силы? Разве не очевидно, что по внутренней своей сущности явление процента с капитала представляет явление ценности? Итак, разве проблема определения не является частным случаем общей теории ценности — цены?.. Все попытки развить теорию распределения как специальный случай общей теории ценности должны потерпеть крушение, потому что проблема распределения по своей внутренней природе не является проблемой ценности... Старая политическая экономия, которая рассматривала теорию распределения как особое учение, не падающее с теорией цены, по моему мнению, совершенно, права»<sup>12</sup>.

Специфика отношений распределения, по М. И. Туган-Барановскому, выражается, во-первых, в том, что оно не всегда связано с обменом. Например, крестьянин (и, конечно, не только он) может участвовать в отношениях распределения, полностью минуя рынок. Во-вторых, распределение, принимающее форму обмена, предполагает фактическое неравенство сторон. Капиталист и рабочий, осуществляя совершенно добровольные отношения обмена между собой, вступают одновременно и в отношения распределения. Фактическое неравенство при формальном равенстве и ведет к эксплуатации более сильной стороной (капиталистом) более слабой (рабочего). В целом и этот тезис небезоснователен, хотя реальный механизм капиталистической эксплуатации, вскрытый К. Марксом, гораздо сложнее.

Но если стороны социально неравны, принадлежат к разным классам, то закон стоимости (ценности), делает вывод М. И. Туган-Барановский, не может регулировать уровень цены. И вообще, можно ли с полным на то основанием назвать товаром то, что является предметом сделки, состоящей в купле-продаже рабочей силы? На этот вопрос М. И. Туган-Барановский дает отрицательный ответ, в пользу которого приводит ряд аргументов. Во-первых, закон спроса и предложения никак не может действовать в сфере воспроизводства рабочей силы.

<sup>12</sup> Туган-Барановский М. И. Социальная теория распределения. С.4, 6.

Дело не только в том, что сам процесс воспроизводства поколений рабочего класса слишком долог по сравнению с периодами циклического колебания спроса на рабочую силу, но и в том, что повышение уровня оплаты этого «товара» отнюдь не ведет к росту его предложения. Скорее наоборот — с повышением уровня благосостояния рождаемость снижается<sup>13</sup>. Во-вторых, М. И. Туган-Барановский считал, что рабочая сила вообще не производится как вещь.

В данной связи прежде всего позволим себе весьма пространную выдержку из рассматриваемой работы. «С точки зрения социальной теории распределения,— пишет М. И. Туган-Барановский,— надо раньше всего установить, чем отличается рабочая сила от всех остальных товаров. Все остальные товары представляют собой внешние продукты или средства хозяйственной деятельности человека, хозяйственные объекты. Рабочая сила человека — это сам человек, т.е. не объект, а субъект хозяйства...

Как бы ни был принижен рабочий, все же он — не рабочий скот капиталиста: он свободен за пределами рынка и у себя дома живет не для того, чтобы создавать рабочую силу капиталисту, а для себя, для удовлетворения своих потребностей.

Рабочую силу можно рассматривать как хозяйственное средство производства. Но разве это средство производства само произведено? Если мы ответим утвердительно, то мы, очевидно, должны указать производителя этого товара. Кто он? Конечно, не капиталист-предприниматель, в предприятии которого занят рабочий... Итак, производит рабочую силу сам рабочий?.. Тело рабочего, чтобы существовать и быть годным для работы, нуждается в потреблении средств существования, а эти последние нужно сначала произвести. Итак, может быть, труд, расходуемый на производство средств существования рабочего, и является трудом, производящим его рабочую силу?

Конечно, необходимо затратить труд, чтобы добыть средства существования рабочего, которые бы сделали возможным его труд. Но потребление этих средств существования нельзя считать хозяйственной деятельностью...

Итак, нелепо говорить о производстве рабочей силы. Рабочую силу никто не производит. Она сама появляется как результат жизни рабочего, в сложном процессе, слагающемся под действием различных общественных факторов»<sup>14</sup>.

В приведенной выдержке сформулирована фундаментальная проблема политико-экономической теории. В марксистской терминологии эта проблема формулируется примерно так: существует диалектическая связь между двойственным характером труда, создающего товар, и двойственностью самого товара как единства потребительной стоимости и стоимости. Если рабочая сила — товар, то каким конкретным трудом создается его потребительная стоимость?

Решения этой проблемы М. И. Туган-Барановский не только не дал, но и не мог дать, ибо вообще отрицал как двойственный характер труда, так и трудовую теорию стоимости. Данное обстоятельство никак нельзя отрицать. Но и использовать его для развенчания М. И. Туган-Барановского не стоит. Не так уж не правы философы, когда говорят: правильно поставить проблему — значит наполовину ее решить. В правильной же ее постановке М. И. Туган-Барановскому отказать нельзя. В конце концов, ведь даже К. Маркс особо ее не фиксировал, подчеркнув явное выпадение из действия закона стоимости лишь одной цены — ссудного процента.

Как известно, К. Маркс отмечал, что это единственная цена, за которой не стоит никаких общественно необходимых затрат, и сделал закономерный для своего времени вывод: уровень этой цены «определяется только соотношением спроса и предложения». Сейчас жизнь внесла свои поправки: оказалось, что на нее может в известных пределах влиять не только закон спроса и предложения, но и воля государства. Это, в частности, впечатляюще продемонстрировала администрация Р. Рейгана, когда сначала провела курс на высокую ставку учетного процента, способствовавший ускоренному обновлению и структурной перестройке производственного потенциала, а затем сменила этот курс на противоположный, стимули-

<sup>13</sup> Туган-Барановский М. И. Социальная теория распределения. С. 36—37

<sup>14</sup> Там же. С.34—37

руа тем самым более интенсивное использование ранее созданного потенциала.

Современная же жизнь подсказала естественный способ решения поставленной М. И. Туган-Барановским методологической проблемы посредством формального разведения обмена и аренды как качественно различных рыночных отношений. Отождествление этих форм договорных отношений — давняя традиция, заложенная еще английскими классиками политической экономии. Как известно, придерживался этой традиции и К. Маркс, делая исключение только для различения аренды и покупки земли как средства производства. Следовал ей и М. И. Туган-Барановский: «Мы можем рассматривать рабочую силу как товар. Она и действительно является товаром, если считать товаром все, что вступает в обмен»<sup>15</sup>.

Возможно, специфичность потребительных стоимостей рабочей силы и ссудного капитала как предметов, по поводу использования которых в хозяйственных целях заключались сделки на рынке, несколько отвлекали внимание от особенностей самих сделок. Теперь же, с широким развитием аренды оборудования, в том числе на полный срок его службы, как формы рыночной сделки, альтернативной традиционной купле-продаже, не составляет особого труда заметить, что в случае договорных отношений по поводу использования рабочей силы (ее найма) и ссудного капитала происходит именно аренда, а не обмен.

Посмотрим теперь, как это вроде бы формальное обстоятельство влияет на решение проблемы. Во-первых, несимметричность отношения аренды в отличие от обмена заведомо исключает рассмотрение его как эквивалентного хотя бы в принципе, как формы стоимости. Если попробовать представить договор аренды в виде простой формы стоимости, ничего не получится. Поэтому и заработная плата, и ссудный процент — это, строго говоря, не цены как выражение стоимости соответствующих товаров, а рентные платежи за использование соответствующих ресурсов, условий производства<sup>#</sup>.

На текущее значение этих платежей влияет, конечно, закон спроса и предложения, но их уровень определяется не привычным законом стоимости, а некоторой его модификацией, которую можно было бы условно назвать законом сохранения субъектов. Речь идет об очень простой и известной вещи. Допустим, при аренде капиталистом-фермером плодородной земли в пригороде большого города ее собственник получает дифференциальную ренту I обоих видов (по плодородию и местоположению). При этом у капиталиста остается прибыль в размере, достаточном для продолжения его функционирования в прежнем качестве арендатора, а землевладелец все так же остается собственником земли. Точно так же при сдаче рабочим своей способности к труду в аренду капиталисту он получает арендную плату в размере, достаточном для воспроизведения рабочей силы, а капиталист присваивает все остальное и сохраняется в прежнем качестве, т. е. готов и дальше эксплуатировать рабочих. Приведенные примеры, как мы полагаем, показывают, что нельзя заранее, не вникнув в суть дела, сказать, кто (арендатор или арендодатель) кого эксплуатирует. В первом случае эксплуататором является собственник земли (это особенно ясно видно, когда арендатором является не такой же эксплуататор-капиталист, а трудящийся, крестьянин). Во-втором — арендатор-капиталист, эксплуатирующий собственника рабочей силы.

Таким образом, аренда предстает не только как рудимент добуржуазных отношений в сфере землепользования, но и как фундамент самого капиталистического способа производ-

<sup>15</sup> Туган-Барановский М. И. Социальная теория распределения. С. 38.

<sup>#</sup> Комментарий 2000 года: то, что в 1990 г. приходилось доказывать, через каких-нибудь 10 лет можно встретить как азбучное положение современного вводного учебника по экономической теории. См., например, Н. Грегори Мэнкью. "Принципы экономикс" (СПб. 1999. С. 402):

"Чем определяется доход, который приносят владельцам факторов производства, используемые в производстве земля и капитал? Прежде чем ответить на вопрос, необходимо провести границу между двумя ценами: ценой покупки и ценой ренты. *Цена покупки* земли или капитала - денежная сумма, которую платит некий субъект, чтобы получить в собственность на неопределенное время конкретные факторы производства. *Цена ренты* - денежная сумма, которую платит некий субъект за использование факторов производства в течение оговоренного периода времени. Данное отличие существенно важно, так как эти цены определяются несколько отличающимися экономическими силами.

Определив понятие цены ренты и цены покупки, мы используем их в теории спроса и предложения на рынке труда, для рынков земли и капитала. Заработанная плата, в конце концов, — цена ренты труда."

ства, если учесть, что именно наемный труд и кредитные деньги составляют сердцевину его хозяйственного механизма. Можно пойти даже дальше. Высказывания самого К. Маркса позволяют сделать вывод, что он предвидел сохранение отношений арендного типа и после отмирания частной собственности: «Даже целое общество, нация и даже все одновременно существующее общества, взятые вместе, не есть собственники земли. Они лишь ее владеют пользующиеся ею и как *boni patres familias* (добрые отцы семейства) они дол оставить ее улучшенной последующим поколениям»<sup>16</sup>. Другими словами, каждое поколение жителей Земли — это только «арендаторы», а на роль «собственника» может претендовать лишь человечество в целом. Разумеется, тема, которой здесь лишь коснулись как бы между прочим (для иллюстрации того, как идеи старого, забытого экономиста могут привести к интересным трактовкам самых современных вопросов), требует специального и тщательного изучения.

Завершая краткий анализ «Социальной теории распределения» М. И. Туган-Барановского, а также ее критики Н. И. Бухариным, хотелось бы обратить внимание читателей на две, думается, не очень удачные попытки последнего опереться на авторитет К. Маркса.

В одном случае Н. И. Бухарин приводит цитату из I тома «Капитала», из главы о всеобщем законе капиталистического накопления, которая, по его мнению, исчерпывающим образом решает проблему «минимума» как мнимую. Представляется, что в действительности это не так: «железный закон заработной платы», сводящий ее к минимуму средств, необходимых для продолжения существования рабочих, и социальные гарантии, исходящие из прожиточного минимума, совершенно различные явления, не совпадающие даже во времени. В другом случае Н. И. Бухарин приводит цитату из II тома «Капитала» (причем из издания на немецком языке), в которой лишь повторяется, что заработная плата соотносится со стоимостью средств существования, общественно признаваемых в качестве нормы, необходимой для воспроизводства рабочей силы.

Воспроизведение той же цитаты на русском языке заставляет еще раз вернуться к теме качества перевода «Капитала». В журнале «Экономические науки» (№ 8 за 1989 г.) уже говорилось о не вполне адекватном переводе термина *Verkehr* как «обмен» вместо более точного: «общение». Здесь эта ошибка не только повторена, но и усугублена не вполне корректным переводом термина *Gesellschaftlich*: он дается как «общественный». Попробуем поразмышлять о следующем тексте: «В отношении между капиталистом и наемным работником денежное отношение, отношение покупателя и продавца, становится отношением, внутренне присущим самому производству. Но это отношение в основе своей зиждется на общественном характере производства, а не на способе обмена; последний, напротив, вытекает из первого»<sup>17</sup>.

Представляется, что смысл цитируемого текста не очень понятен. Непонятно, например, почему речь идет об общественном характере производства, непривычно и сочетание «способ обмена» вместо обычного: «отношения обмена». Напрашивается иной перевод: «Это отношение зиждется на *атомистически-общественном* характере производства, а не на способе *общения*: последнее, напротив, сам вытекает из первого». Здесь все более или менее становится на свое место — из частного характера производства вытекает специфическая форма общения (обмен и рыночная аренда условий производства и его результатов).

Этот пример показывает, что и перевод «Капитала», сделанный когда-то коллегами Н. Бухарина, — сегодня не всегда надежное средство аргументации. Итак, состоялось ли возвращение «легального марксиста»? Думается, что оно еще только начинается. И дело не только в количестве и наборе переиздаваемых его работ, но и в нашей способности воспринимать их по-марксистски, без слепого преклонения перед какими-либо авторитетами. Если мы сумеем в некоторых ошибках М. И. Туган-Барановского увидеть и собственные заблуждения, в его подходах — стимул к своим собственным разработкам, то такое возвращение действительно состоится и без сомнения обогатит нас.

<sup>16</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 337

<sup>17</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. С. 133.